

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ЕЕ ЗНАЧИМОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

М. Ю. Тюлин

Тверской государственной университет

Обосновывается актуальность проблемы психологической устойчивости в современных социально-исторических условиях, подчеркивается особая ее значимость в профессиональной деятельности воспитателя. В рамках решения проблемы психологической устойчивости рассматриваются три основных подхода: 1) бихевиористический; 2) в психоаналитических исследованиях и в исследованиях, связанных с теорией установки и теорией мотивов; 3) разработанный в рамках гештальттеории, гуманистической психологии и психологии интеракционизма. Дается определение психологической личности.

Ключевые слова: саморегулирование, самоконтроль, смысловая установка, психологическая устойчивость.

The article proves relevance of the problem of psychological stability under modern socio-historical conditions. The author emphasises its peculiar significance for professional activity of a teacher. The article addresses three main approaches within the framework of solving the problem of psychological stability: 1) behavioral; 2) in psychoanalytical researches and in those connected with attitude theory and the theory of motives; 3) the one worked out in Gestalt theory, humanistic psychology and psychology of interactionism. The author gives the definition of a psychological personality.

Keywords: self-regulation, self-control, semantic aim, psychological stability.

В современных социально-исторических условиях, в ситуациях социальной нестабильности, проблема устойчивости является одной из важных проблем.

Социальные изменения, происходящие в нашей стране, требуют от человека и особенно от воспитателя радикальной перестройки образа жизни, переосмысления всей системы ценностных ориентаций, отношений к изменяющемуся миру, предъявляют повышенные требования к их психологической устойчивости как по отношению к внешним воздействиям, так и по отношению к внутренним стрессовым коллизиям.

При всей неоднозначности подходов к решению проблемы психологической устойчивости мы, разделяя точку зрения Р. А. Тагировой [3], можем отметить, что в психологии XX и XXI столетий в поисках решения проблемы психологической устойчивости личности выявлены три теоретико-методологических подхода: первый – американский, бихевиористический, получивший относительно широкое распространение в отечественных и зарубежных психологических исследованиях; второй – реализовал себя в психоаналитических исследованиях и в исследованиях, связанных с теорией установки и теорией мотивов; третий – разработан в рамках гештальттеории, гуманистической психологии и психологии интеракционизма.

При анализе теории бихевиористического подхода к вопросу о психологической устойчивости индивида были определены две диаметрально противоположные позиции, за которыми стоят две ведущие теории американской психологии: теория социального научения А. Бандуры и теория «черт» Г. Олпорта.

Если теория социального научения утверждала ситуационную текучесть психических структур индивида, то теория «черт» настаивала на их относительной стабильности.

Представители социального научения, подчеркивающие значение конкретной

ситуации в определении образа действия, полагают, что мнение о наличии у человека стабильных черт не обосновано и связано со следующими умозаключениями ошибочного характера, которые обычно делают, рассуждая о стабильности личности:

1. Большинство индивидуальных особенностей людей, таких, например, как физический облик, манера говорить, вести себя, мимика, пантомимика, жесты и т. п., действительно достаточно постоянны. Их стабильность побуждает приписывать стабильность другим внутренним психологическим характеристикам человека, которые могут не быть стабильными.

2. Жизненный опыт общения с людьми формирует достаточно стабильное представление о них, которое накладывает отпечаток на последующее восприятие и оценку этих людей. В сфере межличностного восприятия может наблюдаться изучение константности, аналогичное тому, с которым встречаются при изучении восприятия людьми предметного мира. В силу константности межличностного восприятия, связанной с сформированной установкой, в новой ситуации появляется склонность замечать у человека те признаки, которые свидетельствуют о его постоянстве и не видеть того, что в его поведении меняется.

3. Наличие определённой ситуации уже заставляет человека вести себя последовательно, так, как вёл себя с партнёром раньше. Это происходит потому, что постоянство ценится как качество личности. Те же самые люди, которые ведут себя с партнером определённым образом, демонстрируя стабильность своей личности в одних чертах, с другими могут вести себя по-другому, показывая в этих же чертах изменчивость, а в каких-либо иных, напротив, стабильность.

И получается, что ответ на вопрос о стабильности личности весьма неоднозначен и неопределен. В одних свойствах, которые приобретены в более поздние периоды жизни и малосущественны, стабильности фактически нет; в других же личностных качествах, чаще всего базисных и приобретённых в ранние годы, так или иначе обусловленных органически, они есть. Реальное же поведение личности, как стабильное, так и изменчивое, существенно зависит от постоянства социальных ситуаций, в которых человек находится.

Представители же теории «черт» в ходе широких лонгитюдных исследований (К. Шайн, Д. Пархам, Д. Блок и др.) диалектики стабильности (постоянства, неизменности) и изменчивости (подвижности, текучести) личности и её свойств пришли к выводу об относительной стабильности изучаемых черт личности, которая оказалась связана с природой самих измеряемых свойств. Учёные разделили их на три вида:

1. Биологически-стабильные черты, обусловленные генетически или возникающие в начальных стадиях онтогенеза, сохраняются на протяжении всей жизни и теснее связаны с полом, чем с возрастом.

2. Культурно-обусловленные черты гораздо более изменчивые, причём сдвиги, которые в поперечных исследованиях кажутся зависящими от возраста, на самом деле, как видно из лонгитюдных данных, часто выражают когортные или исторические различия.

3. Биокультурные черты, подверженные двойной детерминации, варьируют в зависимости как от биологических, так и от социально-культурных условий.

Гораздо меньшая стабильность поведенческих реакций и проявлений личности обнаруживается в том случае, когда личность рассматривается в течение длительного периода времени от ситуации к ситуации. За исключением интеллекта и

познавательных особенностей многие другие характеристики личности ситуативно нестабильны.

Наибольшей стабильностью во времени обладают динамические способности, связанные с врождёнными анатомо-физиологическими задатками, свойствами нервной системы. К ним относятся темперамент, эмоциональную реактивность, экстраверсию-интроверсию и некоторые другие.

Несмотря на широкий эмпирический план исследований стабильности/изменчивости, теория самих понятий остаётся неразработанной. Так, понятие стабильности личностных черт обозначало не более чем отсутствие их изменчивости, а изменчивость, в свою очередь, отсутствие их стабильности. В итоге ни та, ни другая характеристика черт личности не получала собственного психологического содержания и определялась одна через другую вопреки правилам как формальной, так и диалектической логики. К тому же термин «устойчивость» личности употреблялся представителями теории «черт» и их многочисленными последователями как синоним стабильности.

Специфика психологической устойчивости личности в рамках второго подхода к проблеме заключалась в том, что представители таких психодинамических теорий, как теория установки, а также мотивационных теорий, теории психоанализа выделили в психической структуре личности стабилизирующий фактор и пытались определить его психологическую природу.

Проблема психологической устойчивости (точнее, стабильности) на уровне личностной концепции рассматривалась выдающимся отечественным психологом А. Н. Леонтьевым с позиций мотивационных представлений о структуре личности. При этом А.Н. Леонтьев подчеркивал, что структура личности представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий. Теоретический анализ позволяет выделить по меньшей мере три основных параметра личности: широту связей человека с миром, степень их иерархизированности и общую структуру [1].

Первое основание личности – широта связей человека с миром, определяющее её стабильность, связано с богатством взаимоотношений с миром, с обширным кругом разнообразных его деятельностей. Мера широты открывающегося мира в пространстве и времени – в его прошлом и будущем. За ними лежит различие в содержании тех предметных и социальных отношений, которые заданы объективными условиями эпохи, нации, класса.

Второе, более важное основание психологической стабильности личности есть степень иерархизированности деятельностей и их мотивов. Степень бывает очень разной, независимо от того, узко или широко основание личности, образуемое её связями с окружающими. Иерархия мотивов существует всегда, на всех уровнях развития. Они-то и образуют относительно самостоятельные единицы жизни личности, которые могут быть крупными, разъединёнными между собой или входящими в единую мотивационную сферу. Разъединённость этих, иерархизированных внутри себя, единиц жизни создаёт облик человека, живущего отрывочно – то в одном «поле», то в другом. Напротив, более высокая иерархизация мотивов выражается в том, что свои действия человек как бы примеривает к главному для него мотиву-цели, тогда может оказаться, что одни стоят в противоречии с этим мотивом, другие прямо отвечают ему, а некоторые уводят в стороны от него. Когда имеют в виду главный мотив, побуждающий человека, то обычно говорят о жизненной цели.

Третье основание личности, её стабилизирующее, – общий тип строения личности. Мотивационная сфера личности даже в наивысшем её развитии никогда не напоминает застывшую пирамиду. Она может быть сдвинута, эксцентрична по отношению к актуальному пространству исторической деятельности, и тогда мы говорим об односторонней личности. Она может сложиться, наоборот, как многосторонняя, включающая широкий круг отношений.

И.И. Чеснокова связывает категорию психологической устойчивости с понятием «саморегулирование», которое определяет как процесс организации личностью своего поведения [5].

«Завершающим звеном целостного процесса самосознания является саморегулирование личностью сложных психических актов, входящих в состав деятельности и поведения. Вопрос о саморегулировании поведения является хотя и существенным, но частным в более широкой проблеме регуляции поведения. Под саморегулированием поведения мы будем иметь в виду такую форму регуляции поведения, которая предполагает момент включенности в него результатов самопознания и эмоционально-ценностного отношения к себе. Причем эта включенность актуализирована на всех этапах осуществления поведенческого акта, начиная от его мотивирующих компонентов и кончая собственной оценкой достигнутого эффекта поведения. Последняя субъективно связана с переживаниями удовлетворения или, напротив, неудовлетворения, подкрепляющими или отрицающими исходные основы того содержания самосознания, которое включено в данный поведенческий акт» [5, с. 126–127].

Мы, соглашаясь с точкой зрения И.И. Чесноковой, можем констатировать, что для психологической устойчивости личности специфична развитая способность адаптации к самым разнообразным ситуациям и общениям. Эта способность может существовать только на основе достаточно устойчивого и адекватного знания о себе, что дает возможность постоянно примеривать свои реальные возможности к требованиям ситуации общения, соотносить свое поведение с ожиданиями других людей.

Достаточно высокий уровень развития психологической устойчивости саморегулирования поведения объективно выражается в тонкости, дифференцированности и адекватности всех осознанных поведенческих реакций, поступков, вербальных проявлений и т. д. Можно сказать, что наиболее сложные формы психологической устойчивости саморегулирования возникают и как завершающий этап формирования зрелой самосознающей себя личности. Способность саморегулирования поведения у взрослой, относительно зрелой личности – результат длительного процесса развития. Особенности каждого генетического уровня саморегулирования зависят от уровня развития самосознания в целом.

Возникая и формируясь в собственной практической деятельности личности, ее общении с другими, знание о себе и эмоционально-ценностное отношение уже с самого начала целесообразны, в том виде, в котором они постепенно складываются, включаются в регуляцию поведения.

Процесс развития психологической устойчивости самопознания и эмоционально-ценностного отношения личности к себе подчинен интегративной тенденции. По мере расширения познавательной и эмоционально-оценочной сфер самосознания развивается и его регулятивная сфера – от отдельных движений у ребенка до сложнейших форм поведения у взрослой личности в различных системах

межперсонального взаимодействия.

Уровни психологической устойчивости саморегулирования связаны с овладением речью. В процессе формирования речи развиваются и сложные мыслительные операции, позволяющие обобщать и выражать в понятиях результаты самопознания и эмоционально-оценочной работы в отношении себя; знание о себе и самоотношение становятся истоком, мотивом психологической устойчивости, саморегулирования поведения.

Речь дает возможность адекватно отражать непосредственный ход процесса развития психологической устойчивости, саморегулирования, оценивать его с точки зрения соотношения собственных требований к своему поведению и идейно-нравственных норм общества. Развитие обобщающей функции речи – одно из необходимых условий становления самооценки личности. В регулировании поведения самооценке принадлежит особая роль, она включается в структуру мотивации, определяет направленность саморегулирования, выбор средств ее осуществления и, наконец, значительно влияет на интерпретацию эффекта поведения. Вместе с тем в процессе развития психологической устойчивости саморегулирования поведения в различных видах социального взаимодействия самооценка непрерывно развивается, корректируется, углубляется и дифференцируется.

На разных стадиях развития психологической устойчивости саморегулирования коэффициент участия самооценки в этом процессе неодинаков. С возрастом влияние самооценки начинает преобладать над влиянием внешних оценок [5].

Так, старшие школьники, ориентированные на оценку своего поведения, очень зависимы от общественного поведения, они экспрессивны в отношении к оценкам, озабочены своими учебными успехами, их личная инициатива минимальна, они исполнительны и обнаруживают большую готовность выполнять требования воспитателя, учителя, к занятиям относятся ровно. С самых первых моментов своего возникновения самооценка имплицитно существует в структуре регуляции деятельности, поведения, и человек далеко не всегда осознает ее присутствие, но именно на ней основано соизмерение, сопоставление себя, своих возможностей с теми требованиями и задачами, которые выдвигают перед человеком те или иные обстоятельства социального взаимодействия. Результат процесса саморегулирования прямо соотнесен с качеством самооценки, с адекватностью, устойчивостью, глубиной.

Расхождение самооценки с фактическими профессиональными достижениями воспитателя в педагогической деятельности нередко приводит его к конфликтным отношениям в системе межперсональных взаимодействий. Если же завышенная самооценка неглубока и неустойчива, что также выявляется через саморегулирование поведения, то она, как правило, лабильна и может перестраиваться под влиянием результатов поведения, поступков, отношений других людей и т. д.

Специфика психологической устойчивости саморегулирования поведения связана прежде всего с включением в него воли, своеобразного «энергетического двигателя».

Саморегулирование поведения существует функционально как двухуровневый процесс. Первый уровень проявления психологической устойчивости саморегулирования составляет управление личностью

непосредственным течением поведенческого акта на всех этапах его развертывания – от мотивирующих детерминант до конечного эффекта и его оценки. Второй уровень проявления психологической устойчивости саморегулирования составляет действие самоконтроля, т. е. непрерывное прослеживание личностью всех звеньев регуляции поведения, их связи, внутренней логики, это – постоянный «отчет» личности перед самой собой о соотносительности цели, мотива действия и хода самого действия, это постоянная внутренняя готовность переключить действие в другое русло, изменить его, внести какие-то дополнительные моменты, коррективы, это как бы общение внутри самой личности – между личностью в действии и личностью, планирующей действие в соответствии с определенной целью поведения.

В процессе развития психологической устойчивости можно выделить две системы действия: «Я и другой», с одной стороны, «Я и Я» – с другой. Психологическая устойчивость первой системы направлена на большую адекватность адаптации человека к другим людям, к различным коллективам. При регуляции поведения, действий в социальных взаимодействиях воспитатель исходит из принятых им принципов поведения и этических норм, соотносённых с нравственными нормами, существующими в обществе. В процессе развития психологической устойчивости непрерывно осуществляется самоконтроль действий, поступков, опирающийся на собственную оценку внешних проявлений этих действий, их внутреннюю мотивацию и общественную оценку достигнутой степени эффективности действий, их социальную ценность.

Развитие психологической устойчивости в системе «Я и Я» предполагает специфический вид взаимодействия личности с самой собой. Основная форма этого типа саморегулирования выражается в сознательной работе личности над собой и осуществлении последовательной и планомерной профессиональной деятельности.

Эти две системы проявления психологической устойчивости тесно связаны между собой и взаимообуславливают друг друга. Так, первая система является истоком, своеобразным стимулом функционирования второй.

Важным моментом при переходе от первой системы действия ко второй является самокритика, глубокое и адекватное осознание своих слабостей, субъективных трудностей, отсутствия или недостаточности развития психологических качеств, свойств, привычек, препятствующих дальнейшему развитию личности.

Таким образом, мобилизация психических резервов личности воспитателя, оптимальное их использование неизбежно предполагают совершенствование форм саморегулирования поведения. При этом необходимо разграничивать два типа саморегулирования. Первый – регуляция поведения в течение короткого промежутка времени в конкретной ситуации деятельности, общения. Второй – регуляция поведения на протяжении длительного времени в процессе систематической работы личности над собой, реализация ее идеальных замыслов. Результаты самопознания и эмоционально-ценностного отношения к себе выступают как исходная предпосылка развертывания сознательной, целенаправленной деятельности личности по преобразованию своей духовной и физической сферы. В процессе самовоспитания личность поднимается на более высокий уровень психического развития.

Особое внимание уделяется проблеме фактора, стабилизирующего индивидуальное сознание личности в рамках психоаналитического направления [6]. В теории З. Фрейда «Сверх-Я» или «Я-идеал» играет роль компонента, организующего и центрирующего всю систему личности и тем самым

определяющего стабильность. «Сверх-Я» является носителем «Я-идеала», с которым «Я» соизмеряет себя, к которому оно стремится, чьё требование постоянного совершенства оно старается выполнить. Эта инстанция является «представителем всех моральных ограничений, поборником стремления к совершенству, к возвышенному в человеческой жизни [4], в «Сверх-Я» сконцентрированы традиции всех тех сохранившихся во времени ценностей, которые продолжают существовать в каждом поколении. В идеологии «Сверх-Я» продолжают жить прошлое, традиции расы и народа, которые медленно поддаются влиянию современности, изменениям. И пока личность действует через «Сверх-Я», она играет значительную роль, независимую от экономических, политических, моральных катаклизмов, возникающих в реальных, меняющихся с удивительной быстротой социальных ситуациях. Другими словами, пока личность обладает сильным сформированным «Сверх-Я», по мнению З. Фрейда, она сохраняет свою стабильность. Этот вывод З. Фрейда становится ещё более весомым, если учесть, что другая, антагонистическая «Сверх-Я» инстанция «психической личности» – бессознательное, обладающая фантастической энергией, руководствуется единственным принципом – принципом удовольствия.

Бессознательное, по определению З. Фрейда, является «хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений; полным энергией, но не имеющим организации, не обнаруживающим общей воли...». В «оно» нет ничего, что соответствовало бы представлениям о времени, ему также незнакомы никакие оценки, никакое добро и зло, никакая мораль. Поэтому ответственность за стабилизацию «психической личности» несёт прежде всего инстанция «Сверх-Я», предохраняя «Я» от синдрома страха, беспомощности и невротического состояния.

Другой великий психоаналитик К. Юнг в своей теории коллективного бессознательного в качестве основной «константы» в структуре личности, способствующей её стабильности, рассматривает архетипы как глубинные паттерны (образования), определяющие главный фактор психодинамики индивидуального сознания личности.

Исследователи, склонные трактовать проблему фактора, стабилизирующего психику с позиции теории установки (В. Ядов, Д. Узнадзе, А. Асмолов и др.), утверждали, что фиксированные смысловые установки несут в себе ведущее отношение личности к действительности, определяя тем самым относительную стабильность поведения личности, поскольку в фиксированных смысловых установках содержится проект будущего действия, предшествующий его реальному воплощению. Представители этого направления делают вывод о выстраивании различными формами установок иерархической уровневой структуры. Этот тезис представляет основной каркас гипотезы об иерархической уровневой природе установки как психологического механизма стабилизации деятельности. О том, что установка является стабилизатором деятельности, свидетельствуют следующие особенности функционирования установки:

- установка феноменологически не проявляет себя в условиях нормального протекания деятельности;
- установка феноменологически проявляет себя лишь в тех случаях, когда деятельность встречает на своём пути препятствия. Тогда установки разных уровней как бы прорываются на поверхность в форме тех или иных феноменов.

Как правило, анализируются три уровня установок – смысловой, целевой и операциональный.

Ведущим уровнем установочной регуляции деятельности является уровень смысловых установок. Смысловая установка, полагают представители диспозиционной регуляции психической деятельности, актуализируется мотивом деятельности и представляет собой форму выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определённым образом направленной деятельности.

Изменение смысловой установки всегда опосредовано изменением деятельности и мотива деятельности, так как личностный смысл и смысловая установка неотделимы от порождающей системы отношений человека к миру. Смысловые установки личности перевоспитываются, а целевые и операциональные – переучиваются. Основная особенность смысловой установки – это цементирование общей направленности деятельности в целом, придание всей деятельности устойчивого, стабильного характера.

Критерием для выделения следующего уровня установочной регуляции деятельности является наличие цели деятельности. Цель, будучи представлена в форме осознаваемого предвидимого результата, актуализирует готовность субъекта к ее достижению и тем самым определяет направленность данного действия. Целевая установка феноменологически проявляет себя в тех случаях, когда на пути протекания действия возникают те или иные препятствия. Такими препятствиями могут быть неопределенность предъявляемой стимуляции и резкое нарушение или изменение протекания действия. При резком нарушении действия или ситуации, в которых разворачивается действие, целевая установка выступает в виде системных ошибок и тенденций к завершению прерванного действия. Подобные проявления самостоятельной жизни целевой установки наглядно подтверждают факт существования тенденции к сохранению действия в определённом направлении как момента регуляции действия.

Операциональная установка действует в привычках, стандартных ситуациях, определяя работу «привычного», по выражению Д.Н. Узнадзе, плана поведения. Операциональная установка представляет собой готовность к осуществлению определённого способа деятельности, которая возникает в ситуации разрешения задачи на основе учёта условий, опирающихся на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях. Операциональные установки обнаруживаются в стереотипности мышления, конформности личности и т. д.

Диспозиционная структура личности выстраивается Ядовым в некоторую иерархию: первый – низший уровень образуют элементарные, фиксированные установки; второй уровень – социальные фиксированные установки, которые сами по себе обладают сложной структурой; следующий уровень – общая направленность интересов в определённые сферы социальной активности и, наконец, высший уровень – уровень диспозиционной структуры личности образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения. Целостной, внутренне согласованной диспозиционной структурой считается та, в которой все уровни – от ценностных ориентаций до ситуативных установок – согласованы по степени напряженности.

Неконсистентной будет та структура, в которой диспозиции, отнесённые к общему объекту, обладают противоречивой напряженностью. Целостность, т. е. устойчивость, диспозиционной структуры определяется её гибкостью по «вертикали» – от ценностных ориентаций до ситуативных социальных установок.

Её устойчивость обеспечивается оптимальным уровнем консистентности, который находится где-то в пределах между целостностью и непротиворечивостью

диспозиционной системы и достаточным количеством степени межирархической свободы, которая определяет её гибкость. Гармонизация диспозиционной структуры, её относительная гибкость создаётся за счёт автономии, “отстаивания” низлежащих диспозиционных образований от более обобщённых высших.

Несколько с иных позиций подходит к проблеме фактора, стабилизирующего личность, известный отечественный психолог В.Э. Чудновский. Проблема устойчивости решается им в рамках аффективно-потребностной парадигмы. В. Э. Чудновский считает, что уровню сформированности личности соответствует специфическая для этого уровня иерархии потребностей, которая определяет стабильное (устойчивое) поведение личности. В.Э. Чудновский выделяет четыре уровня устойчивости (стабильности) личности и соответствующие указанным уровням иерархии потребности:

- первый уровень – ситуационность, т. е. неустойчивость, обусловленная несформированностью ориентации поведения на отдаленные факторы. Для этого уровня характерно превосходство примитивных потребностей, удовлетворение которых обусловлено ситуационными факторами – низкий уровень нравственной саморегуляции;

- второй уровень – неустойчивость, обусловленная отсутствием содержательного фактора отдалённой ориентации. Для этого уровня характерно превосходство узколичностных потребностей, хотя удовлетворение их опосредовано отдаленной целью;

- третий уровень – устойчивость личности, в основе которой находятся неоднозначные по своему содержанию виды отдалённой ориентации, позволяющие индивиду в большей или меньшей степени выйти за пределы узколичностных интересов;

- четвертый уровень – высший уровень устойчивости (стабильности) личности, опосредованной коллективной направленностью. На этом уровне в иерархии потребностей определяющей является потребность в достижении коллективистской цели, характер отдаленной ориентации в наибольшей степени выводит за пределы узколичностных потребностей, оптимально способствует освобождению индивида от ситуационных влияний, преобразованию ситуаций и собственного поведения в соответствии с намеченными целями.

Неустойчивость (изменчивость) личности В. Э. Чудновский определяет как проявление пассивного, приспособительного поведения, опосредованного «чрезмерной податливостью» обстоятельствам, влияниям людей. Он выделяет два вида изменчивости (неустойчивости) личности:

- изменчивость (неустойчивость) личности как результат ситуативности, отсутствие отдалённой ориентации, низкий уровень саморегуляции, когда мотивационно-потребностную сферу характеризуют примитивные потребности;

- изменчивость (неустойчивость) личности, обусловленная несформированностью содержательной стороны отдалённой ориентации. Таким образом, теории, представляющие второй подход к изучению психологической устойчивости личности, предложили в качестве стабилизирующего фактора постоянство и независимую переменную, обладающую жесткой «однонаправленной» детерминацией.

Принципиально иной индетерминистский или самодетерминистский подход к изучению проблемы психологической устойчивости личности Е. П. Крупник находит в работах гештальтнаправления (К. Левин, Ф. Хоппе, Т. Дембо),

гуманистической психологии (К. Роджерс, Р. Бернс) и интеракциониста Т. Шибутани (концепция «личной определенности»).

Изучая структуру и динамику целеполагания индивида, представители гештальттеории отмечали, что общий образ его действий определяется не только сиюминутной частной целью. Наряду с ней существует всеохватывающая цель, которая стоит «за» отдалённым актом и управляет поведением человека. Ф. Хоппе называет ее идеальной целью в отличие от реальной, т. е. цели данного конкретного действия. В любой конкретной ситуации для индивида обычно имеется иерархия целей, которую достаточно характеризовать указанием реальной и идеальной целей. Дистанция между ними зависит от структуры конкретной ситуации, её сложности, характера индивида, предшествующих событий.

Следовательно, устойчивость целеполагающей структуры определяется подвижным динамическим равновесием идеальных, далеко идущих и реальных целей: оптимальное соотношение всеохватывающей цели и цели, обусловленной объективной оценкой реальной ситуации, гармонирует целевую структуру субъекта и определяет устойчивость его поведения.

В итоге, показателем психологической устойчивости целеполагающей структуры личности становится оптимально поставленная цель, которая не является для личности ни идеальным ориентиром, ни ситуативной установкой.

Проблема психологической устойчивости личности на уровне индивидуального сознания решалась прежде всего в рамках отечественной психологии (А. Н. Леонтьев, В. С. Мухина, В. В. Абраменко, Е. П. Крупник). Так, в концепции индивидуального сознания А. Н. Леонтьева обращают на себя внимание два основных континуума, в которых осуществляется внутреннее движение его «образующих»: личностный, с такими составляющими, как значение и личностный смысл, и познавательный, образующими которого являются значение и чувственная ткань сознания.

Весь пафос движения пристрастности и значения в «личностном» континууме индивидуального сознания состоит в том, что значение «субъективизируется» и индивидуализируется, а «пристрастность» сознания связывается непосредственно с аффективной сферой индивида и является «механизмом» избирательности его отношения к объективной действительности предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой. Таким образом, оптимальное соотношение пристрастности индивидуального сознания и его значения порождает такое новообразование, способное интегрировать индивидуальное сознание, определять его целостность и устойчивость, которое А. Н. Леонтьев обозначает как личностный смысл. Другими словами, не личностный смысл порождает пристрастность сознания, а наоборот, оптимальное взаимодействие пристрастности сознания и его значения образуют личностный смысл, оптимизирующий «личностный» континуум сознания, регулирующий его подвижное равновесие.

Второй континуум определяется внутренним отношением таких «образующих», как значение и чувственная ткань. Особая функция чувственных образов сознания состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту. Иначе говоря, именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании – как объективное «поле» и объект его «деятельности» по Леонтьеву А. Н. [1]

Подвижное равновесие сознательных «значительных» образов и собственно

чувственной ткани достигается, замечает А.Н. Леонтьев, на уровне рефлектирующего сознания, способного дифференцировать и интегрировать восприятие реального мира и свое внутреннее феноменальное поле, в результате индивидуальное сознание человека приобретает устойчивость, освобождаясь, с одной стороны, от рабства чувственных впечатлений, а с другой, от «надындивидуального», «внепсихологического», «эпистемологизма».

Особое значение имеет взаимодействие, взаимовлияние всех «составляющих» структуры личности как фактор ее психологической устойчивости, представленный гуманистическими психологами в их Я-концепции (К. Роджерс, Э. Берн, Р. Бернс и др.).

Я-концепция представителями гуманистической психологии понимается как относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми. Я-концепция – это целостный, хотя и не лишенный определенных противоречий образ собственного Я, выступающий как установка по отношению к самому себе и включающий следующие компоненты: когнитивный образ своих качеств, способностей, внешности, социальной значимости и т.д. (самосознание); эмоциональный – самоуважение, себялюбие, самоуничужение и т.д.; оценочно-волевой – стремление повысить самооценку, завоевать уважение и т.д.

Наиболее важные составляющие личности – «реальное Я» (представление о себе в предстоящем времени, которое складывается на основании личного опыта); «идеальное Я» (то, каким субъект, по его мнению, должен был бы стать, ориентируясь на моральные нормы); динамическое Я (то, каким субъект намерен стать); фантастическое Я (то, каким субъект желал бы стать, если бы это оказалось возможным) и др.

Центральным звеном в теории личности К. Роджерса является подвижное равновесие самооценки индивида, т. е. «реального Я», «Я», к которому он стремится (идеальное Я) и его оценки со стороны окружающих («зеркальное Я»). Этот сложный процесс он назвал «органическим оценочным процессом». По мнению К. Роджерса, индивид стремится привести в соответствие с представлениями о самом себе, т. е. со своим «реальным Я», как можно больше своих внешних переживаний; с другой стороны, он пытается сблизить представление о самом себе с теми глубинными переживаниями, которые составляют его «идеальное Я» и соответствуют тому, чем он хотел бы стать. Таким образом, «реальное Я» может так и не достичь соответствия «идеальному Я», потому что он навязывает себе такие чувства, ценности или установки, которые только отделяют его «реальное Я» от «идеального». Нарушение психологической устойчивости может быть результатом несоответствия между «реальным Я» и жизненным опытом, с одной стороны, и тем идеальным образом, который сложился у человека о самом себе, – с другой. Личность уравновешена тем лучше, чем больше согласия или конгруэнтности между «реальным Я» человека и его поведенческой структурой, что позволяет ему приблизиться к своему «идеальному Я». Важнейшей характеристикой психологически зрелой «полностью функционирующей» личности является её открытость для опыта. Одним из условий психической цельности индивида является гибкость в оценке самого себя, способность в силу меняющихся обстоятельств переоценивать ранее возникшую систему ценностей, с одной стороны, а с другой – умение сохранить «идеальное Я» от хаоса нестабильности социальной

ситуации.

Кроме того, в интеракционистской концепции «личной определенности» американского психолога Т. Шибутани предлагается типология личности в зависимости от критерия её психологической устойчивости. Шибутани считает, что в результате сложного взаимодействия Я-концепции индивида с различными ситуациями, которые каждый раз требуют от него различных реакций, адекватных для данной ситуации, формируется два крайних типа поведения:

- изменчивый, «хаотичный», деструктивный;
- стабильный, ригидный, косный, консервативный.

В первом случае «диссоциированная личность» не интегрирует соответствующие роли в общие рамки, в каждой ситуации она ведет себя непредсказуемо. У неё отсутствует внутренняя последовательность поступков.

Другую крайность представляют люди, которые настолько косны, что не могут изменяться даже тогда, когда совершенно очевидна неуместность их поведения. Они настолько упорядочены в отношении к устойчивой (стабильной) системе ценностей, что не способны поступать вопреки своему характеру. Шибутани считает, что устойчивое поведение личности находится где-то между этими крайностями, что оно характерно для тех субъектов, которые способны пересматривать свои Я-концепции, когда необходимо, но сохранять при этом достаточное постоянство. На основе теоретико-исторического анализа категории психологической устойчивости личности выявлено существование трёх в высшей степени неоднозначных подходов к изучению этой фундаментальной характеристики качеств, процессов и состояний индивида.

Первый – бихевиористический подход сконцентрировал свое внимание на стабильности и изменчивости качеств личности (теория черт) и по существу миновал проблему ее устойчивости, определив ее как синоним стабильности, что имело в дальнейшем далеко идущие последствия; второй – «ортодоксальный» подход качественно и структурно обозначил такие стабилизирующие психические структуры факторы, как идеал-Я (З. Фрейд и др.), смысловая установка (Д. Н. Чудновский и его последователи), жизненная цель (А. Н. Леонтьев), и склонен был рассматривать их как главную и единственную детерминанту личностной психологической устойчивости, т. е. стабильности; третий – кибернетически ориентированный подход, включающий в интерпретацию психологической устойчивости принцип самоорганизации и саморегуляции, рассматривал ее как взаимодействие трех факторов или детерминант: стабилизирующий фактор, т. е. личностную константу, ситуативный фактор или личностную флексибельность и синтезирующий фактор или «трансцендентальную схему» (И. Кант).

Исходя из анализа состояния проблемы устойчивости в рамках основных направлений психологической науки, мы рассматриваем психологическую устойчивость как оптимальный режим функционирования всех психических систем индивида относительно проблемной ситуации, т. е. ситуации кризиса, неопределенности, короче говоря, как оптимальный способ индивидуального стиля деятельности в условиях ситуации выбора. Это определение психологической устойчивости личности лежит в основе нашего исследования.

Список литературы

1. Леонтьев А.А. Педагогическое общение. М.; Нальчик, 1996.
2. Тагирова Р.А. Психологическая устойчивость национального самосознания. М.,

1999.

3. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.

4. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977.

5. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994.

Научная библиотека ТВГУ